

Сто лет превращений русской революции

Аннотация: Переработка революционного прошлого началась еще при жизни и при помощи ее участников и очевидцев и продолжалась десятилетиями позже, после того как ее герои и жертвы давно ушли из жизни. В статье анализируются причины, инициаторы, основные этапы и функции переосмысления российской революции в СССР и в современной России на протяжении столетия.

Ключевые слова: революция, коллективная память, миф

УДК 793.3 + 159.923

Abstract. Recycling of the revolutionary past began in the life and with the help of its witnesses and continued decades later, after her heroes and the victims are long gone of life. The article analyzes the causes, initiators, basic stages and features a rethinking of the Russian revolution in the USSR and in modern Russia for over a century.

Key words: revolution, collective memory, myth

Российская революция 1917 г. пережила ряд удивительных превращений. Ее лики менялись, приспособляемые политиками к актуальным ситуациям и потребностям легитимации режимов. Ее первые годовщины отмечались большевиками и их противниками, включая режим А.В. Колчака. Годы и десятилетия спустя ее чествовали непримиримые оппоненты – И.В. Сталин и Л.Д. Троцкий, М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. В критических и переломных ситуациях к ней апеллировали ведущие советские политики. Симптоматично, что революция была объявлена «великой» и «социалистической» в 1927 г., в момент победы Сталина над Троцким; сталинская версия революции стала общепринятой в 1938 г., на исходе Большого террора; Н.С. Хрущев, разоблачая на XX съезде «культ личности», фактически противопоставлял себя Сталину в качестве «подлинного» революционера и продолжателя дела Ленина; а Ельцин приобрел имидж непримиримого оппозиционера, выступив против Горбачева в 1987 г. на ноябрьском пленуме ЦК КПСС, посвященном очередному юбилею Октябрьской революции.

Пережитая революция уже при жизни и при помощи ее участников и очевидцев изменилась до неузнаваемости. Но переработка революционного прошлого продолжалась и десятилетиями позже, после того как ее герои и жертвы давно ушли из жизни. Кому и для чего понадобилось производство новых образов давно отшумевших событий? Какие этапы пережило это производство? Почему

* *Нарский Игорь Владимирович* – доктор исторических наук, директор научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования», профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного (национального исследовательского) университета (г. Челябинск) (e-mail: inarsky@mail.ru)

оказалось возможным заменить пережитую революцию революционными мифами? Какие факторы ускорили или канализировали процессы коллективного воспоминания и забывания? Вот круг вопросов, которые будут освещены в этой статье на примере коллективной памяти об Октябрьской революции в СССР и Российской Федерации. Чтобы ответить на них, я попытаюсь порознь проанализировать отдельные периоды обработки революционного прошлого в революционной России, в СССР и в Российской Федерации. Это чревато определенными упрощениями, поскольку отдельные тенденции продолжали действовать и за пределами сконструированных мною периодов. Известный схематизм в данном случае – неизбежная плата за ясное отделение друг от друга основных стратегий формирования образов революции и содержания этих образов, которые на разных этапах причудливо пересекались и комбинировались.

В истории работы над образами революции 1917 г. можно условно сконструировать следующие периоды:

- 1917 – начало 1920-х гг. – период ускоренного коллективного забывания.
- Начало 1920-х – середина 1950-х гг. – институционализация коллективного поминовения Октябрьской революции.
- Середина 1950-х – середина 1980-х гг. – время романтизации и рутинизации революции.
- Середина 1980-х – середина 2000-х гг. – «плюрализм памяти без барьеров» (Андреас Лангеноль).
- С середины 2000-х гг. – патриотический поворот в интерпретации русской революции.

Прежде чем, в соответствии с постановкой вопросов, очертить содержание каждого из периодов, считаю необходимым сделать несколько предварительных теоретических замечаний и коснуться используемых здесь терминов.

Теоретические замечания

В 1925 г. автор одной из наиболее влиятельных в минувшем веке теории «коллективной памяти», вновь открытой более полувека спустя, французский социолог Морис Хальбвакс утверждал: «Индивид вызывает в памяти свои воспоминания при помощи рамки социальной памяти. Иными словами, различные группы, на которые делится общество, в любой момент способны реконструировать свое прошлое. Но... они чаще всего одновременно и реконструируют, и деформируют его. Разумеется, есть немало факторов и деталей, которые индивид забыл бы, если бы другие не хранили память о них вместо него. Но, с другой стороны, общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. <...> Поэтому общество стремится устранить из своей памяти все, что могло бы разделить индивидов, отделять друг от друга группы;

в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия»¹.

Некоторые тезисы М. Хальбвакса, в частности, о том, что субъектом памяти выступает социальная группа, позднее подверглись критике. Но его положения, согласно которым индивидуальная память испытывает давление коллектива (не всегда осознаваемое индивидом), осуществляющего цензуру запоминания и забывания во имя обеспечения социальной интеграции, групповой и личностной идентичности, прочно вошли в современный репертуар социального и гуманитарного знания, в том числе профессионального исторического.

На теоретическое наследие М. Хальбвакса в значительной степени опирается, например, концепция «культурной памяти» современного немецкого историка Яна Ассмана, который в 1990-х годах писал: «Понятие “культурная память” подразумевает одно из внешних измерений человеческой памяти. Со словом “память” ассоциируется прежде всего чисто внутреннее явление, локализованное в мозгу индивида, – феномен, подлежащий ведению физиологии мозга, неврологии и психологии, а не исторической культурологии. Однако содержательное наполнение памяти, организация ее содержаний, сроки, которые в ней может храниться то и другое, – все это определяется в очень большой степени не внутренней вместимостью и контролем, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками»².

Как и М. Хальбвакс, Я. Ассман отодвигает индивида и его память – личную, биологическую, «коммуникативную», в его терминологии, – как свойство мозга на задний план, абсолютизируя «культурную память» – долговечную, поддерживаемую специальными, «посвященными» носителями с помощью праздников и ритуалов. Индивид в его концепции предстает марионеткой коллективных процессов припоминания и забывания.

Между тем, в 1960-х гг. в рамках социологии повседневности Альфреда Шютца и социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана получили развитие представления об активном социальном конструировании индивидом действительности, в том числе и действительности прошедшей – прошлого. Хотя повседневность представляет собой хрупкую «конструкцию на границе хаоса»³, человек воспринимает и переживает ее благодаря ряду регулирующих механизмов и структур как упорядоченную, длительную и устойчивую. Главную роль в поддержании стабильности воспринимаемой индивидом «субъективной реальности» играет его регулярная коммуникация с окружающими в устойчивой социальной среде. При этом прошлое и настоящее взаимосвязаны и

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 336 – 337.

² Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 19.

³ Berger P., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt/M., 1998. S. 111.

взаимозависимы: представление о прошлом позволяет ориентироваться в настоящем, а изменения актуальной действительности неизбежно ведут к пересмотру прошлого. В условиях резко изменившейся реальности индивид «подгоняет» под нее свою автобиографическую историю: «...необходимой является радикальная реинтерпретация значения прошлых событий или лиц в собственной биографии. Поскольку гораздо легче выдумать то, что никогда не происходило, нежели забыть то, что действительно произошло, индивиду может понадобиться фабрикация и вставка в биографию событий – повсюду, где есть нужда в гармонизации воспоминаний с перетолкованием прошлого. Так как отныне господствующей и более достоверной выступает не старая, а новая реальность, то он может быть совершенно “честен”, осуществляя эту процедуру – субъективно он не лжет о прошлом, приспособлявая его к *единственной* истине, которая, разумеется, объемлет и настоящее, и прошлое»⁴.

Последний концепт и последнее понятие, важное для понимания трансформаций памяти – учредительный миф. Согласно определению «миф – это обосновывающая история, история, которая рассказывается, чтобы объяснить настоящее из его происхождения»⁵. Вопрос о том, опирается ли эта история на факты, или она фиктивна, при таком определении мифа о происхождении утрачивает свое значение.

Исходя из приведенных теоретических посылок, можно интерпретировать миф как инструмент и стратегию целенаправленного забывания: миф шлифует прошлое, освобождая последнее от «ненужных» деталей, придавая ему смысл и нормативное звучание. Миф объединяет настоящее с прошлым и приоткрывает завесу будущего, обеспечивает идентификацию членов коллектива и тем самым поддерживает его целостность. Обновление мифа становится жизненно необходимым для группы в кризисные для нее периоды: «любой достаточно глубокий разрыв преемственности и традиции может повести к возникновению прошлого – в том случае, когда после такого разрыва предпринимается попытка начать сначала. Обновления, возрождения, реставрации всегда выступают в форме обращения к прошлому»⁶. Государственное производство учредительных мифов является, таким образом, инструментом консолидации и мобилизации населения, орудием манипулирования гражданами.

1917 – начало 1920-х: Вначале было забвение

В России вытеснение прошлого приняло характер коллективного забывания. Механизмы этого процесса можно представить как описанную выше ресоциализацию в духе П. Бергера и Т. Лукмана. Имеется в виду радикальная трансформация субъективного восприятия действительности, – процесс

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 259 – 260.

⁵ Ассман Я. Культурная память... С. 55.

⁶ Там же. С. 33.

приспособления прошлого к радикально изменившемуся настоящему. В ранней Советской России для нее был характерен разрыв индивидуальной биографии на «до» и «после» 1917 г. с реинтерпретацией прошлого как приготовления к новой жизни.

О восприятии какой действительности идет, однако, речь? Во время революции 1917 г. и последовавшей в 1918 – 1920 гг. гражданской войны в России произошел цивилизационный обвал. Для этого времени, прежде всего, было характерно беспрецедентное разрушение властных структур, безвластие, анархия. Бывшая Российская империя страдала от отпадения и перекройки территорий. В 1917 – 1918 гг. она потеряла Польшу, Финляндию, балтийские провинции, Украину, Белоруссию, Бессарабию, Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь. Кроме того, революция и гражданская война нанесли сокрушительные удары по российской экономике. Население пережило беспрецедентную инфляцию, разрушение рынка, дефицит продуктов питания, голод, бедность, репрессии со стороны сменявших друг друга режимов.

Это разрушило так называемые структуры поддержания правдоподобия, ответственные за сохранение прошлого. Во-первых, была разрушена «нормальная» повседневность. Деформации или разрушению в силу различных обстоятельств подвергались те «референтные группы» – семья, дружеский круг, соседство, – в которых индивидуум повседневно может «освежить» личные или групповые воспоминания.

Центральный аспект разрушения «нормальных» условий жизни и, в связи с этим, действенный фактор нагнетания неуверенности заключался в недостатке информации. Население – особенно с конца 1917 г. – имело очень скромные возможности для создания более или менее полной картины «великих» событий в стране. К этому времени Россия превратилась в архипелаг самостоятельных регионов, каждый из которых был изолирован от остального мира. Непроверенные сведения об отдельных событиях не поддавались обобщению. Нельзя было с уверенностью знать, где что происходит. Жизнь большинства современников напоминала унылое, серое, заброшенное поле без межевых камней. Эту пустоту было необходимо заполнить. Поэтому современники приняли с пониманием предложение большевиков представить жизнь во время революции как непрерывный и сознательный подвиг. По этой причине переосмысление недавнего былого проходило не только «сверху» но и «снизу». Оно позволяло найти смысл неожиданно ставшей бессмысленной жизни и перекодировать и героизировать индивидуальный опыт.

Во-вторых, придание смысла происходящему (или прошлому) для ориентации в окружающем в чрезвычайно ситуации цивилизационного кризиса становилось вопросом жизни и смерти в буквальном смысле этого слова. В годы революции в решении этой проблемы были кровно заинтересованы и новые правители, испытывавшие дефицит собственной легитимности, и оживавшая и погибавшая в круговерти революционных потрясений общественность, и изнывавшее от непонимания

происходившего население. Без новых учредительных мифов было невозможно восстановить целостность общества, преодолеть анархию, обеспечить лояльность населения.

Не удивительно, что и большевики, и их противники старались использовать любой повод для мифологизации прошлого. Частота праздников и их пышность во время революции и гражданской войны резко контрастировали с жалкими условиями существования населения и скромными ресурсами властей для их проведения.

Важность церемониальной коммуникации для легитимации режима с помощью мифов, ее нормативный и формативный характер подтверждаются точно регламентированной инсценировкой праздников. С первых дней революции 1917 г. новые власти старались детализировать праздничные церемонии. О месте, времени и порядке праздничных мероприятий первые полосы официальных газет извещали подробно и заранее.

О роли праздника в революционной России как инструмента мифологической кодировки действительности свидетельствует превращение новых праздников в дни скорби. Этому способствовали сопровождение праздника символами траура – черными полотнищами и лентами, хвойными ветвями, а также обязательными посещениями кладбищ и нараставшим аскетизмом торжеств. Фактически, новые власти с помощью праздничных церемоний создавали новый культ предков. Население должно было идентифицировать себя не с поколениями лояльных подданных российской короны, а с бунтарями против самодержавия, с борцами за свободу или за новый порядок.

В-третьих, в экстремальных условиях воспоминание о прежних временах становилось слишком рискованным. В революционной России каждый новый режим прокламировал свою деятельность как создание справедливого порядка из хаоса и анархии, перечеркивая прошлое, нормируя его и наполняя новыми мифами. В этих условиях даже невинное замечание о том, что раньше было лучше, могло квалифицироваться как серьезное политическое преступление. Было целесообразным забыть прежнюю жизнь или, по крайней мере, не обсуждать ее со случайными людьми.

Коллективное забывание шло в революционной России в форме мифологизации, в ходе которой старые мифы заменялись новыми. Ускоренное конструирование новых учредительных мифов облегчалось, в-четвертых, тем, что в Российской империи они были слишком гетерогенны, чтобы успешно выполнять консолидирующую функцию на всей ее территории.

В-пятых, многие старые мифы утратили убедительность и связующую силу. Государство и общество вновь стояли перед вопросами о сути, происхождении и назначении коллектива. Дефицит идентичности обострял потребность в новых мифах.

Таким образом, базис для имплантации учредительного мифа о Великой Октябрьской социалистической революции к началу 1920-х гг. был хорошо подготовлен. До конца гражданской войны объединяющего учредительного мифа о революции еще не было. Пережитая революция

в качестве идентификационного фактора не годилась. Пережитый опыт, однако, позволял радикально изменить ее историю. Неприятные переживания нужно было заменить героическими текстами.

Начало 1920-х – середина 1950-х: Институционализация коллективной памяти об Октябрьской революции

В начале 1920-х гг. революционный миф получил каноническую форму, хорошо знакомую каждому из ныне живущих бывших советских граждан. Позволю себе пространную цитату: «На протяжении восьми месяцев от февраля до октября 1917 года партия большевиков выполняет труднейшую задачу: она завоевывает большинство в рабочем классе, в Советах, она привлекает на сторону социалистической революции миллионы крестьян. Она вырывает эти массы из-под влияния мелкобуржуазных партий (эсеров, меньшевиков, анархистов), она шаг за шагом разоблачает политику этих партий, направленную против интересов трудящихся. Партия большевиков развертывает огромную политическую работу на фронте и в тылу, подготавливая массы к Октябрьской социалистической революции. [...]

Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, свержает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства – социалистическое советское государство, – отменяет помещичью собственность на землю, передает землю в пользование крестьянству, национализирует все земли в стране, экспроприирует капиталистов, завоевывает выход из войны, – мир, получает необходимую передышку и создает, таким образом, условия для развертывания социалистического строительства.

Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки – в собственность всего народа, в общественную собственность.

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций»⁷.

Приведенная цитата извлечена из «Краткого курса истории ВКП(б)». Это был венец советской мифологизации прошлого, созданный при активном участии И.В. Сталина и впервые увидевший свет в 1938 г. Здесь налицо все компоненты советского мифа о Великой Октябрьской социалистической революции. Она представлена, во-первых, как сложный, хорошо спланированный и последовательно осуществленный целостный проект. Во-вторых, ее автор – Коммунистическая партия, которая всегда права и никогда не допускает ошибок. В-третьих, партия привлекла под свои знамена большинство населения, поскольку защищала интересы народа. В-четвертых, Коммунистическая партия

⁷ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М., 1938. С. 153, 154.

бескомпромиссно боролась с другими социалистическими партиями, которые якобы изначально были врагами революции и народа. Другими словами, в этом мифе хаос был заменен железным порядком, импровизации представлены как план, крупные ошибки замолчаны или интерпретированы как запланированные маневры.

Помимо прочего, мифологизация Октябрьской революции позволила вытеснить из коллективной памяти Первую мировую войну. Поскольку Первая мировая война для России не окончилась, а плавно перешла в войну гражданскую, проигранная мировая война попала в тень победоносной революции, которая и стала учредительным мифом Советского Союза: «Участие России во всемирной истории XX века проистекало... только из революции 1917 года и родившейся из нее гражданской войны. Революция создавала из русской перспективы параллельную логику всемирной истории, которая не нуждалась в Первой мировой войне, чтобы объяснить причины Второй мировой»⁸.

Что же произошло в начале 1920-х г., что позволило изменить до неузнаваемости представление о революции еще при жизни ее участников и очевидцев?

По окончании революции в России мифологизация приобретала особую актуальность, поскольку помогала не только найти смысл в обесмысленной жизни, но и перетолковать даже самые сомнительные и отталкивающие стороны разрушенной повседневности, а также индивидуального опыта и биографии – будь то служба при разных и противоборствующих режимах или вызванные материальной нуждой большие и мелкие преступления при любой власти. Эта задача стала особенно настоящей, когда большевистский режим обрел относительную стабильность благодаря переходу к «новой экономической политике» и период острой нужды казался близящимся к концу. В этом контексте объяснимы усилия современников во власти и за ее пределами по подведению итогов ставшей прошлым гражданской войны.

Воспоминания о революции в сталинский период были упорядочены и институционализированы. Во-первых, была создана официальная матрица для фильтрации воспоминаний свидетелей революции. Насколько мне известно, впервые она была использована во всероссийском масштабе во время празднования пятилетия Октябрьской революции, упомянутого в начале этого текста. Воспоминания канализировались с помощью специальных вопросников. В них перечислялись вопросы, посвященные исключительно участию в большевистских организациях или во всероссийских «великих» событиях, особо важных для большевиков⁹. В 1920-е гг. организованные таким образом вечера воспоминаний стали неотъемлемой составляющей празднования годовщин Октябрьской революции.

⁸ Kater N. Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen, in: Nordostarchiv, 2009, Bd. XVII, S. 267

⁹ Подробнее об этом см.: Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917 - 1922 гг. Ab Imperio. 2004. № 2. С. 211- 236.

Просеивание воспоминаний очевидцев было поручено специально созданной организации. В 1920 г. с этой целью была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и коммунистической партии (сокращенно Истпарт). Это было автономное исследовательское учреждение, которое в 1920-е гг. (а в регионах СССР – до конца 1930-х) собирало, хранило, «научно» обрабатывало (в том числе и подвергало цензуре) и опубликовывало мемуары участников революции.

Так сбор воспоминаний стал большим государственным проектом. Помимо прочего, Истпарт готовил и анкеты для вечеров воспоминаний. К пятилетию Октябрьской революции Истпарт подготовил конспекты-минимумы для мемуаров, которые очевидцы собирались писать о революции и гражданской войне. Они содержали вопросы, аналогичные вопросам анкет для вечеров воспоминаний, создавая тем самым удобную матрицу для героизации коллективного и индивидуального прошлого.

На сложности конструирования прошлого как основы для формирования идентичности указывает тот факт, что каноническая история лишь в 1934 г. стала обязательным предметом для преподавания в школе и университете. Как уже упоминалось, лишь в 1938 г. при активном участии Сталина был создан стандартизированный универсальный учебник по истории революции¹⁰.

Мифологизация прошлого была нацелена, помимо прочего, на достижение однозначности в истории. От нежелательных воспоминаний следовало избавиться, а значит – и от их носителей. Для этого служили, например, знаменитые сталинские ретуши¹¹. С изображений постепенно исчезали конкуренты Сталина в партии, которые большей частью были физически истреблены в годы Большого террора 1930- годов. Большинство из них принадлежало к организаторам и активным участникам революции и гражданской войны. Так, после высылки из СССР с фотографий исчез Л.Д. Троцкий, действительный руководитель, наряду с В.И. Лениным, большевистского захвата власти в Петрограде и организатор Красной Армии. Сам Ленин, основатель и лидер большевистской партии, на фотографиях, на плакатах и в фильмах 1930-х годов превратился в добродушного «дедушку» и советника Сталина. Сталин стал вождем революции.

Празднование Октябрьской революции тоже все строже регламентировалось. В 1927 году 7 и 8 ноября были объявлены праздничными днями, а революция получила официальное наименование Великой Октябрьской социалистической. Военные парады стали неотъемлемым компонентом годовщин Октябрьской революции¹².

Октябрьская революция превратилась в базовый миф о происхождении СССР, объединивший, прошлое, настоящее и будущее. Дореволюционное прошлое стало предысторией «Великого Октября».

¹⁰ История Всесоюзной коммунистической партии...

¹¹ См.: Кинг Д. Пропащие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в Сталинскую эпоху. М., 2012.

¹² Подробнее об этом см.: Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

Этот образ Октябрьской революции оставался неизменным до смерти Сталина, а некоторые его компоненты сохранились почти нетронутыми до краха Советского Союза.

Середина 1950-х – середина 1980-х: Романтизация и рутинизация революции

Со смертью Сталина рамка коллективных воспоминаний о советском прошлом, в том числе об Октябрьской революции, радикально изменилась. В СССР периода хрущевской оттепели по инициативе высшего руководства начался короткий период публичного обсуждения связанных с именем Сталина «неудобных страниц» советского прошлого, прежде всего – большого террора 1937-1938 гг. При этом Октябрьская революция стала удобным инструментом критики Сталина. Революция и Ленин были переосмыслены заново: Октябрьская революция и гражданская война были романтизированы, революция была восславлена как ленинский проект «подлинного» коммунизма, от которого Сталин якобы отступил, опорочив революцию кровавым и необоснованным насилием. Эта интерпретация инструментализировала версию революции, предложенную Троцким, без упоминания и реабилитации его имени.

Романтизация революции позволяла Н.С. Хрущеву репрезентировать себя в качестве «подлинного» революционера и продолжателя «дела Ленина». На короткое время критики сталинского прошлого из рядов писателей и художников стали союзниками Хрущева. Романтическая интерпретация Октябрьской революции нашла отражение в фильмах и песнях 1960-х гг.

Параллельно с этим процессом и особенно с середины 1960-х гг. миф Октябрьской революции начал бледнеть и уступать место другому событию – Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – в качестве учредительного мифа. Несколько факторов облегчали этот процесс. Во-первых, политика Л.И. Брежнева в 1970-е гг. попала в идеологически сложную ситуацию. Невозможность построить в Советском Союзе коммунизм к 1980 г., как было обещано Программой КПСС 1961 года, была очевидной. Поэтому брежневское руководство решило апеллировать не к «светлому будущему», а к вновь отретушированному «славному прошлому».

Во-вторых, руководство опасалось, что разрешенная в середине 1950-х гг. критика преступлений Сталина выйдет из-под партийно-государственного цензурного контроля. Чтобы остановить антисталинскую критику, следовало показать относительность ошибок Сталина и оправдать их. Победа Советского Союза во Второй мировой войне подходила для этой цели как нельзя лучше. Официальная пропаганда стала славить советское былое без Гулага и насилия, но с мудрым полководцем Сталиным.

Одновременно, в-третьих, началась смена поколений у кормила власти. Поколение участников революции и гражданской войны покидало активные социальные позиции. В советских литературных произведениях и художественных фильмах гражданскую войну с рубежа 1950-х – 1960-х гг. стали

интерпретировать не только как славную борьбу, но и как трагедию. Противников большевиков даже стали иногда изображать с симпатией.

В-четвертых, потускнение революционного мифа не было совершенно новым явлением. Первые тенденции к этому наметились еще в 1930-е гг., когда в советских школах и вузах было введено преподавание русской истории. Дореволюционная история была наполнена «великими» правителями и полководцами, тем самым все меньше выполняя функцию предыстории Октября.

Все это облегчало замену Октябрьской революции Великой Отечественной войной в качестве учредительного мифа. Так победа 1945 г. стала в середине 1960-х гг. главным символом славного и победоносного прошлого. День победы 9 мая в 1965 г. был объявлен праздничным днем.

Однако одновременно этот поворот означал известную рутинизацию Октябрьской революции. Революционные лозунги и символы на фасадах советских зданий граждане давно перестали замечать. Герои Октябрьской революции, в том числе сам Ленин, стали героями анекдотов. Обязательное участие в праздничных демонстрациях 7 ноября становилось в тягость. Чтобы уговорить заводских рабочих нести на демонстрации красные знамена или транспаранты с коммунистическими лозунгами, администрация или профсоюзы должны были пообещать дополнительные свободные дни или премию. В позднем СССР Октябрьская революция все сильнее утрачивала силу убедительности в качестве фактора поддержания советской идентичности.

Середина 1980-х – 2004: «Плюрализм воспоминаний без барьеров»

«Перестройка» второй половины 1980-х гг. при М.С. Горбачеве, распад Советского Союза и запрет КПСС в 1991 году, дистанцирование Российской Федерации в эпоху Б.Н. Ельцина от советского наследия – все это в очередной раз радикально изменило рамку коллективной памяти в России. Дискурсы о российско-советском прошлом, включая воспоминания об Октябрьской революции, характеризовало отсутствие объединяющей и ограничивающей рамки, названное немецким социологом Андреасом Лангенолем «плюрализмом воспоминаний без барьеров»¹³. Возникшее под руководством Сталина и на протяжении десятилетий господствовавшее догматическое толкование Октябрьской революции утратило прежний авторитет, но во время «перестройки» по-прежнему было в ходу. Наряду с ним популярная при Хрущеве критически-коммунистическая интерпретация Октябрьской революции как преданной Сталиным демократической революции снова стала актуальной. Эту версию активно защищал Горбачев. С этими образами революции все более успешно конкурировали либеральные, националистические и имперские интерпретации революции, которые были возвращены с «перестроечный» СССР и Российскую Федерацию 1990-х гг. с эмигрантской и диссидентской

¹³ Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland. Göttingen, 2000. S. 312.

литературой от Н.А. Бердяева до А.И. Солженицына. Они толковали Октябрьскую революция либо как разрыв с универсальными (читай – либеральными и демократическими) перспективами развития человечества, либо как осуществленное на немецкие деньги преступление против русской нации (правонационалистическое общество «Память»), либо, наконец, как возрождение славных имперских исторических позиций. Последнюю версию инструментализировала созданная Г.А. Зюгановым Коммунистическая партия Российской Федерации. Конкурировавшие образы революции воплощали «одновременность разновременного» (Э. Блох) позднесоветской и ранней постсоветской истории.

Плюрализм воспоминаний отразился и в противоречивых решениях о праздновании годовщин Октябрьской революции. Последний в СССР военный парад на Красной площади в Москве состоялся в ноябре 1990 г. После путча в августе 1991 г. КПСС была запрещена. Режим Ельцина дистанцировался от социалистических мифов и связанной с ними праздничной символической коммуникацией. День Октябрьской революции 7 ноября с 1991 г. больше официально не праздновался. По этой же причине день международной солидарности трудящихся (1 мая) в 1990-е гг. был рабочим днем. С 1992 г. 8 ноября стал рабочим днем, но 7 ноября оставалось выходным.

Это повысило значение Великой Отечественной войны как последнего места памяти, которое должно было цементировать российское общество. Октябрьская революция впервые официально попала в тень войны, когда в 1995 г. 7 ноября было объявлено Днем воинской славы. С тех пор в этот день на Красной площади в память о праздновании 24-й годовщины Октябрьской революции (1941) проходят военные парады. Историческим аргументом в пользу этого нововведения стал тот факт, что войска и техника, принимавшие 7 ноября 1941 г. участие в параде в Москве, прямиком направлялись на фронт, чтобы принять участие в успешном контрнаступлении Красной Армии под Москвой.

В 1996 г. день Великой Октябрьской социалистической революции был переименован в День согласия и взаимного примирения. Празднование победы большевиков над противниками должно было уступить место трауру обо всех жертвах гражданской войны, вне зависимости от политической принадлежности. Однако на этом история коллективной памяти об Октябрьской революции не закончилась.

С середины 2000-х гг.: Патриотический поворот в интерпретации российской революции

Время с 2005 г. отмечено новым поворотом в толковании революции 1917 г. К началу XXI в. от убедительности мифа об Октябрьской революции и гражданской войны, легитимирующего коммунистическую идею, в российском обществе не осталось почти ничего. В конце 2004 г. день Октябрьской революции (7 ноября) был отменен и заменен празднованием Дня военной славы России и народного единства 4 ноября. День Октябрьской революции был объявлен рабочим днем.

Новая расстановка акцентов вряд ли является случайной. Она маркировала патриотический поворот в официально российской политике прошлого. Историческим поводом для учреждения нового праздника стало изгнание русскими ополченцами польских войск из Москвы в 1612 г., что стало решающим пунктом в завершении Смутного времени в Московском царстве, едва не утратившем государственную независимость. Ополченцы, согласно легенде, вступили в схватку с поляками, осененные иконой Казанской божьей матери, день которой также отмечается 4 ноября. То, что в полиэтнической и мультиконфессиональной Российской Федерации государственным праздником стал православный религиозный праздник, особо не акцентируется, но в свете усиления православной церкви кажется весьма симптоматичным.

Полезную матрицу для нового истолкования Октябрьской революции официальная историческая политики в Российской Федерации заимствует из импортированных конспирологических интерпретаций Первой мировой войны и русской революции консервативным крылом эмиграции почти 100-летней давности. Речь идет о русском варианте распространенной в Германии послевоенной легенды об ударе ножом в спину – об Октябрьской революции как путче предателей-большевиков. Этот образ революции был очень популярен среди антибольшевистски настроенных бывших офицеров царской армии, многие из которых в 1917 – 1920 гг. встали под знамена «белого движения» и воевали против советской власти. Согласно этой версии, Брест-Литовский сепаратный мир, заключенный большевистским правительством в 1918 г. с Германией, интерпретируется как национальное предательство. Это, весьма популярное в эмиграции толкование исходило из того, что русская армия была успешна в военных кампаниях и не потерпела поражения на полях мировой войны. Эмиграция обвиняла, таким образом, большевиков за провал России в Первой мировой войне.

Негативное толкование революции парадоксальным образом сочетается с позитивной оценкой советского имперского прошлого, конец которого президент В.В. Путин в послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. оценил как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века»¹⁴. Центральным пунктом патриотического поворота стало окончательное превращение Великой Отечественной войны в единственный учредительный миф Российской Федерации. Это обеспечивает большие преимущества российской политике прошлого. Прежде всего, коллективная память оказывается связанной, пользуясь метафорой российского социолога Л.Д. Гудкова, «оковами победы»¹⁵. Победа над Германией оправдывает тоталитарное сталинское прошлое, что позволяет нынешнему

¹⁴ Послание президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2005 год // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html (последнее посещение - 22.12.2016).

¹⁵ Gudkov L. Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg, in: Osteuropa 55 (2005) Nr. 4 – 6, S. 56.

российскому правительству без труда «убедить граждан, что управляемая демократия и есть подлинная демократия»¹⁶.

При этом коллективная память о Великой Отечественной войне имеет очевидные имперские черты. Российская Федерация позиционирует себя как хранительница «подлинного» прошлого на постсоветском пространстве, и большинство конфликтов по поводу по-разному понимаемого прошлого касаются, как правило, именно тех наций, которые в царской империи и Советском Союзе якобы продемонстрировали свою нелояльность. Среди них – в XVIII и XIX вв. многократно восстававшие поляки, культурно связанные с ними украинцы или участники долгой кавказской войны в XIX в. Не случайно именно эти народы особенно пострадали от сталинского террора. К парадоксам истории следует отнести то, что как раз этих-то наций современная российская политика прошлого с удовольствием лишила бы права на критику совместно пережитого прошлого.

Итог

Замещение Первой мировой войны Октябрьской революцией и гражданской войной, а их – Великой Отечественной войной в Советском Союзе и Российской Федерации, можно в заключение объяснить тремя центральными, на мой взгляд, факторами: во-первых, описанными выше регулярными обрывами преемственности и традиций, во-вторых – недостатком легитимности правителей, в-третьих, периодическими острыми ориентационными кризисами населения.

Октябрьская революция, вместе с последними годами существования Российской империи и первыми годами советской власти, т.е. годы мировой и гражданской войн изменилась до неузнаваемости уже при жизни их участников и свидетелей. И во время революции, и после ее окончания «сверху» и «снизу» то и дело прилагались усилия к тому, чтобы приспособить революционное прошлое к нестабильному настоящему и тем самым осветить (и освятить) актуальное положение его происхождением. Но поскольку жизнь в России не становится легче, поскольку перечисленные выше факторы регулярного перетолкования прошлого остаются в силе, любой прогноз о будущем образов революции в российском коллективном воспоминании оказывается ненадежным. Кто знает, что еще может случиться с революцией 1917 г. в недалеком будущем?

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Баберовски, Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М.: РОССПЭН, 2014. 488 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

¹⁶ Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М., 2014. С. 383.

4. Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский дом печати, 2008. 392 с.
5. История всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М., ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. 352 с.
6. Кинг, Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в Сталинскую эпоху. М.: Контакт-культура, 2012. 208 с.
7. Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917 – 1922 гг. *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 211- 236.
8. Рольф, М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
9. Послание президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2005 год // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html.
10. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Berger, P., Luckmann, T. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 218 S.
12. Gudkov, L. Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg, in: *Osteuropa* 55 (2005). № 4 – 6. S. 56 – 72.
13. Katzer, N. Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen, in: *Nordostarchiv*. 2009. Bd. XVII. S. 267 – 292.
14. Langenohl, A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 345 S.

BIBLIOGRAPHY:

1. Assman YA. *Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti*. М.: YAzyki slavyanskoj kultury, 2004. 368 s.
2. Baberovski, J. *Vyzhzhennaya zemlya: Stalinskoe carstvo nasiliya*. М.: ROSSPEHN, 2014. 488 s.
3. Berger P., Lukman T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya*. М.: Medium, 1995. 323 s.
4. Volkov E.V. «Gidra kontrrevolyucii». *Beloe dvizhenie v kulturnoj pamyati sovetskogo obshchestva*. CHelyabinsk: CHelyabinskij dom pečhati, 2008. 392 s.
5. *Istoriya vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (bolshevikov): kratkij kurs*. М., OGIZ – Gospolitizdat, 1946. 352 s.
6. King, D. *Propavshie komissary. Falsifikaciya fotografij i proizvedenij iskusstva v Stalinskuyu ehpoхu*. М.: Kontakt-kultura, 2012. 208 s.
7. Narskij I.V. *Konstruirovanie mifa o grazhdanskoj vojne i osobennosti kollektivnogo zabyvaniya na Urале v 1917 – 1922 gg*. *Ab Imperio*. 2004. № 2. S. 211- 236.
8. Rolf, M. *Sovetskie massovye prazdniki*. М.: ROSSPEHN, 2009. 439 s.
9. *Poslanie prezidenta Rossii Vladimira Putina Federalnomu Sobraniyu RF: 2005 god* // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html.
10. Halbvaks, M. *Socialnye ramki pamyati*. М.: Novoe izdatelstvo, 2007. 348 s.
11. Berger, P., Luckmann, T. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 218 S.
12. Gudkov, L. Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg, in: *Osteuropa* 55 (2005). № 4 – 6. S. 56 – 72.
13. Katzer, N. Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen, in: *Nordostarchiv*. 2009. Bd. XVII. S. 267 – 292.
14. Langenohl, A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 345 S.